

## Къ вопросу о литературной дѣятельности Константина Багрянороднаго.

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ религіозной жизни Византіи въ царствованіе Константина VII Багрянороднаго было торжественное перенесеніе Нерукотвореннаго образа, посланнаго, по преданію, Спасителемъ Эдесскому князю Авгарю, изъ Эдессы въ Константинополь, совершившееся въ 944 году <sup>1)</sup>. Оно подало поводъ къ появленію въ свѣтъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній. Сохранилось, между прочимъ, пространное сказаніе, приписываемое самому императору Константину и носящее его имя въ многословномъ заглавіи, которымъ оно снабжено: «Κωνσταντίνου ἐν Χριστῷ (βασιλεῖ αἰωνίῳ) βασιλέως Ῥωμαίων (τοῦ Πορφυρογεννήτου) διήγησις ἀπὸ διαφόρων ἀθροισθεῖσα ἱστορίων περὶ τῆς πρὸς Αὐγάρου ἀποσταλείσης ἀχειροποιήτου θείας εἰκόνης Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν καὶ ὡς ἐξ Ἑβραίων μετακομίσθη πρὸς τὴν πανευδαίμονα ταύτην καὶ βασιλίδα τῶν

<sup>1)</sup> О политическихъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось это событіе, и о самомъ перенесеніи см. A. Rambaud, L'empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète (Paris 1870), стр. 105—111; Ernst von Dobschütz, Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, herausg. von O. Gebhardt und Ad. Harnack. Neue Folge, dritter Band. Leipz. 1899), стр. 149—169; А. А. Васильевъ, Византія и Арабы. Политическія отношенія Византіи и Арабовъ за время Македонской династіи (Спб. 1902), стр. 250 слл. Остальную литературу указываетъ Я. И. Смирновъ (въ статьѣ, которая будетъ разсмотрѣна ниже), стр. 214, пр. 1. Обзоръ всѣхъ сказаній, относящихся къ Нерукотворенному образу, даютъ: А. Л. Катанскій, Сказанія о нерукотв. образѣ Спасителя: восточныя и западныя. *Христианское Ученіе* 1874, декабрь, стр. 471—516; Леонидъ Денисовъ, Исторія подлиннаго Нерукотвореннаго образа Спасителя на основаніи свидѣт. визант. писателей. Москва. 1894 (м. 8<sup>о</sup>), стр. 37.—Ср. также В. Родникова, Къ сказанію о сношеніяхъ Эдесскаго князя Авгаря со Христомъ Спасителемъ. *Труды Кіевской дух. акад.* 1903, іюль, стр. 501—513 (доказываетъ, что эти сношенія—фактъ историческій).

πόλεων Κωνσταντινούπολιν»<sup>1)</sup>. Съ этимъ заглавіемъ сказаніе впервые было издано Combes'омъ, *Originum rerumque Constantinopolitanarum manipulus*. Paris. 1664, стр. 75 слл., перепечатано у Migne, *Patr. Gr.* т. 113, ст. 424 слл. Новѣйшее изданіе съ тщательнымъ подборомъ вариантовъ изъ многихъ рукописей далъ von Dobschütz, *Christusbilder*, стр. 39\*\*—85\*\*<sup>2)</sup>.

Сказаніе въ этой редакціи заканчивается обращеніемъ къ образу и молитвою за царя. Этотъ фактъ подалъ нѣкоторымъ ученымъ поводъ сомнѣваться въ томъ, что сказаніе написано самимъ Константиномъ, и предполагать, что оно составлено по его внушенію и подъ его руководствомъ кѣмъ-нибудь другимъ. Такъ, Рамбо<sup>3)</sup> полагаетъ, что если бы авторомъ сказанія былъ самъ Константинъ, то онъ, вѣроятно, говорилъ бы о себѣ, какъ о царѣ, въ первомъ лицѣ, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ въ концѣ сказанія молитвенное обращеніе къ Богу, чтобы Онъ всегда покровительствовалъ тому, «*кто царствуетъ надъ нами съ такою кротостью и благочестіемъ*». Очевидно, по мнѣнію Рамбо, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь редакторомъ агиографическихъ или историческихъ сборниковъ, предпринятыхъ подъ руководствомъ Константина,—съ Метафрастомъ или Теодоромъ Дафнопатомъ<sup>4)</sup>. Добшюцъ (стр. 96\*\* сл.), допуская возможность личнаго авторства Константина, находитъ, что врядъ ли онъ самъ произнесъ эту проповѣдь публично, такъ какъ противъ этого сильно говоритъ заключительная молитва, и заканчиваетъ свои соображенія слѣдующими словами: «Какъ бы то ни было, проповѣдь возникла если не на письменномъ столѣ самого императора, то въ его непосредственной близости, по порученію императора и при его личномъ наблюденіи и сотрудничествѣ. Онъ

<sup>1)</sup> Слова βασιλεῖ αἰωνίῳ, поставленные нами въ скобки, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ пропущены, а слова τοῦ Πορφυρογενήτου—несомнѣнно позднѣйшая прибавка (ср. Dobschütz, стр. 95\*\*).

<sup>2)</sup> Повѣствованіе, приписываемое Константину, помѣщено у Добшюца только на правыхъ (нечетныхъ) страницахъ, а на лѣвыхъ (четныхъ) сопоставлено съ нимъ en regard болѣе краткое минейное чтеніе на 16-ое августа, о которомъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

<sup>3)</sup> Ук. соч. стр. 105.

<sup>4)</sup> Тамъ же, стр. 111. Рамбо думалъ, что Метафрастъ былъ современникомъ Константина. Въ настоящее время достоверно извѣстно, что онъ жилъ позднѣе Константина, въ послѣдней четверти X вѣка. О Дафнопатѣ см. нашу работу въ *Прав. Палест. Сборникъ*, вып. 59, Спб. 1910.

могъ читать источники; кто-либо другой (ein anderer) затѣмъ дѣлалъ изъ нихъ выборки и третій, быть можетъ, придавъ собранію риторическую форму, въ которой она нашла публичное примѣненіе, однако, такъ, что императоръ при этомъ снова давалъ (an die Hand gab) руководящія мысли. Такимъ образомъ цѣлое по праву носить его имя, и мы едва ли имѣемъ возможность спрашивать объ именахъ тѣхъ, чьи перья служили ему при этомъ». По поводу этихъ соображеній мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что по нашему личному впечатлѣнію сказаніе не носитъ никакихъ признаковъ допускаемаго Добшюцемъ коллективнаго творчества и представляется цѣльнымъ произведеніемъ одного и того же пера.

Приписываемое Константину сказаніе имѣется, между прочимъ, въ рукописи Московской синодальной бібліотеки № 382 Влад., написанной въ 1063 г. и содержащей въ себѣ десятую (последнюю) книгу сборника житій, усвояемаго Симеону Метафрасту. Покойный В. Г. Васильевскій въ своей извѣстной статьѣ, посвященной тщательному изученію состава этой рукописи, обративъ вниманіе и на сказаніе о Нерукотворенномъ образѣ, рѣшительно выступилъ въ защиту авторства Константина по соображеніямъ, которыя мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести дословно <sup>1)</sup>.

Изложивъ приведенныя нами выше разсужденія Рамбо, В. Г. продолжаетъ: «Мы не можемъ такъ легко за нимъ послѣдовать прежде всего относительно Симеона, даже и относительно Θεодора Дафнопата. Симеонъ прославился позднѣе. Да въ сущности самыя основанія, на какихъ отрицается прямое авторство Константина, недостаточны. Соблюдая принятую обычную форму слова, назначеннаго для публичнаго чтенія въ церкви, царственный авторъ повѣсти о Нерукотворенномъ образѣ въ заключеніи долженъ былъ помѣстить краткое моленіе за государя, но самое приличіе требовало, чтобы онъ придавъ ему общую отвлеченную форму, а не личную. Такой характеръ въ самомъ дѣлѣ и отличаетъ приведенныя выраженія. *Царствуетъ кротко*

<sup>1)</sup> «Синодальный кодексъ Метафраста». *Журн. М. Н. Пр.*, июнь, 1897. Мы пользуемся экземпляромъ выпущенныхъ въ 1899 году отдѣльныхъ оттисковъ, полученнымъ нами отъ покойнаго автора съ собственноручными его поправками.

и благочестиво <sup>1)</sup> — это стереотипное выражение, могущее сопровождать всякое упоминание о царѣ, кто бы онъ ни былъ и каковъ бы онъ ни былъ. Итакъ, мы думаемъ, что трудъ, носящій въ надписаніи имя Константина Багрянороднаго, дѣйствительно ему принадлежитъ и включенъ въ сборникъ Логовета не потому, чтобы послѣдній участвовалъ въ его сочиненіи, а по другимъ побужденіямъ».

Несмотря на вѣскость этой аргументаціи нашего покойнаго византиниста, всетаки могло оставаться мѣсто для сомнѣній, такъ какъ самовосхваленіе царственнаго автора въ заключеніи все же не могло не казаться страннымъ. Недоумѣніе блестяще разрѣшено другимъ нашимъ ученымъ, Я. И. Смирновымъ <sup>2)</sup>, при помощи находки, сдѣланной имъ въ рукописяхъ Парижской нац. библіотеки № 1474 (XI в.), Вѣнской (Hist. Gr. 45, olim XIV) и Аѳонской (библ. лавры св. Аѳанасія). Въ этихъ рукописяхъ вслѣдъ за сказаніемъ Константина (озаглавленнымъ въ нихъ безъ имени автора) помѣщена анонимная статья о томъ, какъ чтился св. Убрусъ въ Эдессѣ, являющаяся какъ бы дополненіемъ къ сказанію Константина, и уже въ концѣ этой второй статьи помѣщено обращеніе къ образу съ молитвою за царя. Объясненіе этого явленія Я. И. Смирновымъ приводимъ въ подлинникѣ: «Такимъ образомъ оказывается, что сказаніе объ Эдесскомъ образѣ, приписываемое иногда Константину Багрянородному, передается рукописями въ двухъ видахъ: а) изрѣдка анонимно безъ риторическаго заключенія, но вмѣстѣ съ другою дополнительной статьёй о томъ, какъ чтился образъ въ Эдессѣ, которая [т. е. статья] и кончается этимъ заключеніемъ, и б) обыкновенно съ именемъ Константина Багрянороднаго, безъ второй статьи, но съ риторическимъ заключеніемъ, взятымъ изъ нея. Отсюда естественно является предположеніе, что разница эта произошла

<sup>1)</sup> Курсивъ автора.

<sup>2)</sup> «Слово X вѣка о томъ, какъ чтился образъ Спаса на Убрусѣ въ Эдессѣ». *Commentationes philologicae*. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго (СПб. 1897), стр. 209—219. Въ *Виз. Временникъ*, т. V (1898), стр. 358—9, авторъ далъ поправки къ изданному имъ тексту слова и прибавилъ указаніе на одно армянское сказаніе. Текстъ слова, впервые изданнаго г. Смирновымъ, исправилъ D o b s c h ü t z, *Christusbilder*, стр. 110\*\* (подъ названіемъ «Der li turgische Tractat»), который, къ сожалѣнію, не былъ знакомъ съ блестящею до гадкою г. Смирнова и оставилъ молитву за царя въ заключеніи сказанія, усвояемаго Константину.

вслѣдствіе 1) опущенія въ рукописяхъ второго рода статьи о почитаніи св. Убруса въ Эдессѣ, 2) присоединенія къ сказанію риторическаго заключенія опущенной статьи и 3) надписанія надъ сказаніемъ имени Константина Багрянороднаго. Виновникомъ передѣлки этой оказывается никто иной, какъ самъ Симеонъ Метафрастъ, какъ это явствуетъ изъ того обстоятельства, что сказаніе въ передѣланномъ видѣ съ именемъ Константина Багрянороднаго и риторическимъ заключеніемъ стоитъ въ рк. 1603 года Московской синодальной бібліотеки, составлявшей, какъ говоритъ припись въ концѣ ея, послѣдній изъ десяти томовъ «метафразъ Логоѳета», подъ которымъ естественнѣе всего разумѣть извѣстнаго Симеона Метафраста и Логоѳета. Въ разсматриваемой передѣлкѣ сказаній объ Убрусѣ работа Метафраста была несложна: единственнымъ добавленіемъ его было надписаніе имени Константина Багрянороднаго надъ анонимнымъ прежде сказаніемъ, основаніемъ для чего было, очевидно, начало слѣдующей, выкинутой имъ статьи, гдѣ ясно, хотя и довольно нескладно, — говорится, что сказаніе написано было для Константина Багрянороднаго и имъ опубликовано (τῷ χριστιανικῷ παραδέδωκε πολιτεύματι), изъ чего, однако, еще не слѣдовало бы выводить, что императоръ, заказавшій статью, былъ авторъ ея. Рѣшить опредѣленно, почему именно выкинулъ Метафрастъ слѣдовавшую за первымъ сказаніемъ дополнительную статью о томъ, какъ чтился св. Убрусъ въ Эдессѣ, едва ли возможно; вѣроятно, однако, что она не казалась ему ни интересной, ни назидательной. Напротивъ того, риторическое ея заключеніе, пришедшееся, очевидно, ему по вкусу, присоединено было цѣликомъ къ первому сказанію, вѣроятно, потому, что оно показалось Метафрасту куцымъ, такъ какъ, дѣйствительно, простой конецъ его (глава XXX изданнаго текста) не соотвѣтствуетъ длинному и риторическому началу».

Всецѣло присоединяясь къ главной мысли Я. П. Смирнова, — что молитва за царя (или «риторическое заключеніе», какъ онъ ее называетъ) первоначально представляла собою заключеніе дополнительной статьи о томъ, какъ чтился Нерукотворенный образъ въ Эдессѣ<sup>1)</sup>, и лишь впослѣдствіи, послѣ опущенія этой статьи,

<sup>1)</sup> Содержаніе статьи разсмотрѣно Смирновымъ на стр. 211 слл. и Добшюцемъ на стр. 107\*\* слл.

оказалась финаломъ основной статьи о перенесеніи этого образа въ Константинополь,—мы, однако, никакъ не можемъ согласиться съ его толкованіемъ, что эта основная статья была написана для Константина Багрянороднаго и имъ опубликована, «изъ чего, однако, еще не слѣдовало бы выводить, что императоръ, заказавшій статью, былъ авторъ ея». Такое толкованіе основано на невѣрномъ пониманіи указаннаго г. Смирновымъ мѣста въ дополнительной статьѣ, явившемся въ свою очередь слѣдствіемъ невѣрной интерпункціи при печатной передачѣ рукописнаго текста. Мы читаемъ это мѣсто вмѣстѣ съ Добшюцемъ слѣдующимъ образомъ 1):

ἄπερ οὐ παρέργως τῷ θειοτάτῳ καὶ μεγάλῳ ἡμῶν βασιλεὶ Κωνσταντίνῳ τῷ Πορφυρογεννήτῳ φιλοπονηθέντα καὶ συλλεγόντα καὶ βίβλοις ἐναπογραφέντα εἰς προσθήκην ἐπαινετῆς πράξεως μετὰ τῶν ἄλλων αὐτοῦ μεγίστων κατορθωμάτων τῷ χριστιανικῷ παραδέδωκε πολιτεύματι, καλῶς γε περὶ τούτου διαπονηθεὶς καὶ περὶ τῶν μεγίστων θεοπνεύστως καὶ ὑψηλῶς λογισάμενος· ἀλλ' ἐπειδὴ οὐ μέχρι τούτου ἔσται, παρεξέτεινε δὲ τὰ τῆς ἐρεῦνης, καὶ μεθ' ὅποιας τιμῆς παρὰ τοῦ ἐν Ἐδέσῃ χριστιανώμου λαοῦ ἤγγοτο, ἢ παρούσα δηλώσει διήγησις 2).

При такомъ чтеніи ясно видно, что дат. надежъ τῷ βασιλεὶ и др. *нельзя* понимать въ смыслѣ «для царя», а необходимо принять, что онъ поставленъ вмѣсто род. съ предлогомъ ὑπὸ (или παρὰ) при причастіяхъ страдательнаго залога: φιλοπονηθέντα—συλλεγόντα—ἐναπογραφέντα (явленіе обычное въ языкѣ даннаго времени<sup>3)</sup>). При такомъ пониманіи слѣдующій затѣмъ переходъ къ дѣйств. залогу (παραδέδωκε—ἔσται—παρεξέτεινε) представить собой лишь легкій анаколуѳъ, при которомъ читателю все же совершенно ясно, что подлежащимъ при παραδέδωκε является подразумеваемое изъ предыдущаго βασιλεὺς Κωνσταντίνος. Между тѣмъ, если принимать дат. τῷ βασιλεὶ въ смыслѣ «для царя», то неясно будетъ, откуда взята подлежащее для παραδέδωκε—ἔσται—παρεξέτεινε. Кромѣ того, прибавка εἰς προσθήκην—κατορθωμάτων не имѣла бы смысла, если бы логическимъ подлежащимъ не было ὁ βασιλεὺς.

1) У Смирнова стр. 215, vv. 2—10; у Добшюца р. 110\*\* v. 10—р. 111\*\* v. 3.

2) Отличія изданія г. Смирнова: 1) послѣ πολιτεύματι поставлена точка и слѣдующее καλῶς начато съ прописной буквы, какъ начало новаго предложенія; 2) послѣ λογισάμενος—запятая; 3) послѣ ἐρεῦνης и ἤγγοτο нѣтъ никакихъ знаковъ препинанія. У Добшюца между πολιτεύματι и καλῶς нѣтъ запятой, но мы поставили ее для большей ясности

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, авторъ дополнительной статьи о почитаніи Нерукотвореннаго образа въ Эдессѣ вполне категорически выставлялъ императора Константина авторомъ сказанія о перенесеніи образа, совершенно соотвѣтственно заглавію этого сказанія. Последняя фраза въ приведенной нами выпискѣ не вполне ясна вслѣдствіе своей крайней лаконичности. Понимать ее, очевидно, надо такъ: «Но такъ какъ онъ не остановился на этѣмъ [изслѣдованіи о Нерукотворенномъ образѣ и перенесеніи его въ Константинополь], но расширилъ свои изысканія, то настоящій рассказъ [составленный нами по его порученію,] покажетъ, съ какою честью совершалось [поклоненіе ему] со стороны христоименнаго народа въ Эдессѣ».

Авторомъ статьи «О томъ, какъ чтился Нерукотворенный образъ въ Эдессѣ», по мнѣнію Я. И. Смирнова (стр. 212), былъ «очевидно, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ книжниковъ и писателей, которые исполняли для императора и другія обширныя литературныя работы». Намъ кажется вполне возможнымъ допустить, что эту статью написалъ Ѳеодоръ Дафнопать, если имѣть въ виду, что двѣ изданныя нами (въ работѣ, указанной выше) рѣчи его въ честь св. Іоанна Предтечи заканчиваются подобными же молитвами за царя.

Кромѣ повѣсти о перенесеніи Нерукотвореннаго образа, принадлежащей Константину Багрянородному, въ числѣ сказаній, относящихся къ этому событію, имѣетъ важное значеніе минейный текстъ, новѣйшее изданіе котораго дано Добшюцемъ въ сопоставленіи *en regard* съ повѣстью Константина (стр. 38\*\*—85\*\*). По мнѣнію издателя (стр. 92\*\*), это сказаніе было изготовлено немедленно послѣ перенесенія Образа, для того, чтобы къ первой годовщинѣ этого событія уже имѣлся текстъ для чтенія во время церковной службы. Этимъ именно текстомъ и воспользовался, по мнѣнію Добшюца, Константинъ Багрянородный при составленіи своего сказанія, предназначеннаго служить праздничною проповѣдью (*Festpredigt*). Онъ только расширилъ минейный текстъ разными риторическими прикрасами и придалъ ему стройную литературную обработку. И дѣйствительно, при параллельномъ чтеніи этихъ двухъ текстовъ, сопоставленныхъ Добшюцемъ, ихъ взаимная связь представляется не подлежащею сомнѣнію. Читателей, желающихъ внимательнѣе ознакомиться съ этимъ во-

просомъ, отсылаемъ къ детальному изслѣдованію Добшюца (стр. 86\*\* слл.).

Въ тѣсной связи съ этими текстами стоитъ и сказаніе о перенесеніи Нерукотвореннаго образа, помѣщенное въ изданной нами недавно Византійской минеѣ, принадлежащей, быть можетъ, Иоанну Ксифилину <sup>1)</sup>. Непосредственнымъ источникомъ для автора этой минеи послужилъ, несомнѣнно, изданный Добшюцемъ краткій текстъ. Однако, авторъ все же находилъ его, очевидно, слишкомъ подробнымъ и потому изложилъ его содержаніе въ свободномъ пересказѣ съ значительными сокращеніями въ деталяхъ. Въ числѣ такихъ сокращеній слѣдуетъ особенно отмѣтить, что въ изданной нами минеѣ выпущены оба письма, приведенныя цѣликомъ какъ въ минейномъ текстѣ, такъ и у Константина, именно письма Авгаря къ Иисусу Христу (мин. гл. 3, Конст. IV, 8) и отвѣтное письмо Христа (мин. гл. 6, Конст. VII, 12), а также и описаніе крестныхъ ходовъ съ Нерукотвореннымъ образомъ по Константинополю (мин. 24—26).

*В. Латышевъ.*

<sup>1)</sup> Menologii anonymi Bizantini saeculi X quae supersunt ed. V. L a t y ſ e v, fasc. 2 (Petrop. 1912), pp. 282—285. Ср. наше изслѣдованіе: Византійская «Царская» минея (*Зап. Имп. Акад. Наукъ по ист.-филолог. отд.*, т. XII, № 7), гл. 3.